

го содержания текстового материала. На более продвинутом этапе необходимо, чтобы задачей теста являлась бы не передача непосредственного содержания текстового материала, а логическое заключение, вывод, оценка явлений, описанных в тексте. Такая косвенная проверка понимания прочитанного, основанная на принципе переноса, развивает критическое мышление⁵.

Тесты успешности представляют собой эффективный метод учета знаний студентов, и они должны найти соответствующее место на различных этапах обучения иностранным языкам в вузе.

В.В.Пугачев

ПУШКИН И 1812 год
/к истолкованию "Полководца"/

Пушкинская оценка Барклая-де-Толли, его роли в 1812 году и сегодня остается самой справедливой из всех, дававшихся и даваемых этому крупному военному и государственному деятелю.

Историческое чутье Пушкина поразительно. И в специальных исторических изысканиях, и в художественных произведениях, посвященных более или менее отдаленному прошлому. В оценке Бориса Годунова, Петра I, пугачевского восстания, Отечественной войны 1812 года /как и в общем взгляде на русскую историю/ поэт далеко опередил своих современников, в том числе профессиональных историков /М.П.Погодина, М.Т.Каченовского, Н.А.Полевого/, предвосхищая подчас выводы историков второй половины XIX века /вплоть до В.О.Ключевского/. Он избежал крайностей "скептической школы" М.Т.Каченовского и необоснованной не критичности в подходе к источникам. Как историк Пушкин сочетал уважительное отношение к устным преданиям, фольклору с подлинно научным отношением к документам, их истолкованию.

---

⁵ Банкевич Д.Н. Тесты на понимание прочитанного в учебниках и учебных пособиях. - В кн.: Методич. зап. по вопросам преподавания ин. яз. в вузе. М., 1971, вып. 7, ч. I, с. 87-103.

В ноябре 1824 г. Пушкин писал брату Льву Сергеевичу: "...вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице рус<ской> ист<ории>" /XIII, 121/. Поэт судил о нем, по-видимому, на основе народных преданий, фольклора. В том же письме сообщалось: "...вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!". Эти слова предшествуют просьбе о "сухом" известии о С.Разине: "Ах! боже мой, чуть не забыл вот тебе задача..." По-видимому, фольклор и пробудил интерес к Разину. Но Пушкин не мог и не хотел ограничиться только этими сведениями. Ему понадобились "сухие", "исторические" материалы.

Истории Раина поэт не написал. Но интерес к нему, вероятно, сыграл свою роль в появлении интереса к Пугачеву. История восстания была создана Пушкиным строго научно. Поэзия, литература и наука слились воедино и в "Истории Пугачевского бунта", и в "Капитанской дочке", и в "Полководце". Пушкин-поэт и Пушкин-историк - одно целое. Именно к Пушкину больше всего подходят слова Гёте: "Поэзия, наука, философия, история в своей сущности неразделимы".

Правда, сам Пушкин писал П.А.Вяземскому в мае 1826 г.: "Твои стихи к Ми<имой> Красавице /ах извини: Счастливице/ слишком умны. - А поэзия, прости господи, должна быть глуповата" /XIII, 278-279/. Но речь идет, конечно, о форме /образцом которой явился "Евгений Онегин"/. Легкость изложения и глубина мысли и чувства. Особенно в произведениях последнего десятилетия. В том числе, в "Полководце".

В стихотворении переплелись самые разные потоки мыслей, идей, чувств. Пушкин с каждым годом все больше думал не только о смерти /а анекдот делал эти раздумья отнюдь не беспочвенными/, но и об историческом бессмертии, о роли великих людей, непонимании их большинством современников, о роли поэзии, об итогах собственной жизни. Моцарт, Радищев, сам Пушкин в "Памятнике". "Полководец" стал одним из предвестников и предшественников стихотворения "Я памятник себе воздвиг нерукотворный".

В пору создания "Полководца" Пушкин усиленно интересовался историей, прежде всего, русской; влиянием на нее человеческой воли. В противовес Мозефу-де-Местру, реакционным фаталистам его склада Пушкин верил в реальность и благотворность вмешательства

человеческого разума в ход исторических событий. Именно с этих позиций, полемизируя с мыслителями типа Жозефа-де-Местра, Пушкин подошел к оценке Барклая.

О "Полководце" написано много ¹. И все же понадобится еще многое сделать, чтобы разобраться в сложной диалектике отношения Пушкина к личности Барклая, его роли в разгроме Наполеона, трудной судьбе. Много неясного остается и в пушкинских взглядах на отношения Барклая и М.И.Кутузова. Не до конца ясен подтекст отношения к историографии Отечественной войны 1812 года, скрытая полемика, содержащаяся в стихотворении. Не до конца выяснены исторические источники произведения, подтекст, связанный с умалчиванием об Александре I. Думается, что для выяснения всего этого круга важных для пушкиноведения и для истории общественной мысли вопросов необходимо правильно установить истинную роль Барклая в борьбе с Наполеоном, в гибели "великой армии", в отражении нашествия "двухнадесяти языков". Пока этого не сделано.

Барклаю не везло при жизни. Но не повезло и после смерти. Изучали и изучают с оглядкой, осторожно, подчас свехосторожно. Его, русского генерала, сына русского офицера, считали то немцем, то шотландцем. Никому не приходит в голову объявить Лермонтова шотландским поэтом, а Тургенева - татарским писателем. Барклая же, только на том основании, что предки его когда-то жили в Шотландии, даже такой крупный историк, как Е.В.Тарле, назвал /вслед за Вальтером Скоттом/ шотландцем. Евгений Викторович сделал это из самых хороших побуждений - доказывал, что Барклай не немец. Дед Барклая был бургомистром Риги... Его родственник - известный русский поэт, декабрист, лицейский друг Пушкина, друг Грибоедова, В.К.Кихельбекер... Никому в голову не придет назвать его немецким поэтом. Почему же Барклай, его родственник, немец?

---

¹ Назову некоторые работы. Лернер Н.О. "Полководец". - В кн.: Пушкин. Сочинения / Под ред. Венгеровой С.А. Т. УІ, П. 1915, с.475; Мануйлов В.А. и Модзалевский Л.Б. "Полководец" Пушкина. - В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т.4-5. М.-Л., 1939; Кока Г. Пушкин о полководцах двенадцатого года. - В кн.: Прометей, т.7, М., 1969, с.17-37; Трофимов И. "Полководец". - В кн.: Прометей, т. 10. М., 1975, с.186-200; Черейский Л.А. К стихотворению Пушкина "Полководец". - В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.-Л., 1966, с.56; Петрунина Н.Н. "Полководец". - В кн.: Стихотворения Пушкина 1820-1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974, с. 278-305; Измайлов Н.В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. - В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. П, с.-Л., 1958, с. 25-35.

Легенда о Барклае-немце, Барклае-шотландце и т.д. привела к тому, что, например, славянофильские историки принижали Барклая. В работах А.Н.Попова Барклай представлял не полководцем, а придворным, заботившимся отнюдь не об интересах России ².

С другой стороны, Барклая принижали, чтобы поднять Александра I, представить его автором гениального плана заманивания Наполеона вглубь страны. Именно царю приписывались барклаевские планы и их осуществление, а сам полководец оказывался не больше, чем исполнителем. Даже вступление во главе русских войск в Париж в 1814 году обернулось "невезением" для Барклая. Вернее для его славы.

Сдают города солдаты, берут — генералы. Барклай оказывался в положении солдата, а царь — в роли генерала. Чтобы не заглушить дифирамбы в честь императора, надо было говорить о Барклае не очень громко. Зато о "неудачах" Барклая в начале войны вспоминали охотно и громко.

Слава М.И.Кутузова и П.И.Багратиона, уже умерших, казалась царю менее опасной, чем прославление Барклая. Среди полководцев ему отводилось второе, или даже третье место. Кутузов ставился выше. В какой-то мере и Багратион. Так создавалась традиция умеренных похвал Барклаю. А подчас и критики, переходящей в брань. Традиция оказалась устойчивой. Она не исчезла полностью и сегодня. А лет тридцать тому назад переживала вторую молодость. В 1952 году вышла в свет книга Н.Ф.Гарнича "1812 год". Барклай назван там "сварливым и ограниченным лицемером" ³. Автор уверял, что "Энгельс переоценил Барклая-де-Толли и недооценил М.И.Кутузова" ⁴. А Энгельс никогда не писал о Барклае. Не повезло даже тем, кто занимался Барклаем. Например, крупнейшему историку Е.В.Тарле. В вышедшей в свет в 1953 году книге "Контрнаступление русской армии в 1812 году" П.А.Жидин писал: "Принижая роль Кутузова как полководца и стратега, Е.В.Тарле в то же время излишне подчеркивает заслуги Барклая-де-Толли. Через все рассуждения автора, если к ним внимательно присмотреться и вдуматься в их смысл, проходит мысль о том, что весь ход войны был предначертан и обдуман Барклаем-де-

---

² Попов А.Н. Эпизоды из истории двенадцатого года. Русский Архив. М., 1892, ч. 4.

³ Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1952, с. 49.

⁴ Там же, с. 60

Толли, а Кутузов лишь продолжил его идею... Перечисленные ошибки, допущенные академиком Тарле в изображении полководческой деятельности Кутузова и его роли в достижении победы над Наполеоном, явились следствием недооценки значения русских материалов и архивных документов и переоценки им иностранных источников" ⁵.

Не берусь судить, в чем разница "русских материалов" и "архивных документов". Не знаю также, относит ли П.А.Жилин к "иностранным источникам" статью Карла Маркса о Барклае-де-Толли, где он назван лучшим генералом александровской эпохи ⁶. Отмечу лишь, что Е.В.Тарле очень осторожно писал о заслугах Барклая: "...следует... учитывать и определенную целеустремленность в действиях Барклая... Великая заслуга Барклая не в том, что он перед войной и в начале войны говорил о заманивании неприятеля вглубь страны... Даже, если признать, что до Витебска у Барклая были колебания, то от Витебска Барклая шел намеченным путем с большой моральной отвагой, не обращая внимания ни на какие препятствия и противоборствующие течения" ⁷. По Жилину же, никакого плана отступления не было. Даже в 1974 году в книге "Гибель наполеоновской армии в России" П.А.Жилин уверяет: "Никаких планов ведения "скифской войны", расчетов на отход армии вглубь страны не было" ⁸. Доказательство приводится довольно странное: "А.И.Михайловский-Данилевский указывает, что "о дальнейшем отступлении во внутренность империи не было и помышления. Оно совсем не входило в соображение при начале войны" ⁹. Можно подумать, что А.И.Михайловский-Данилевский - Блаженный Августин или Фома Аквинский, на которых вместо фактов ссылались средневековые схоласты. Не проще ли обратиться к "русским источникам" и "архивным материалам", в неиспользовании которых несправедливо упрекался Е.В.Тарле? А такие материалы есть. В том числе и план войны, составленный Барклаем-де-Толли в 1810 году ¹⁰.

⁵ Жилин П.А. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953, с. 42, 44.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. I4, с. 92-94.

⁷ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1943, с. 73.

⁸ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974, с. 115.

⁹ Там же.

¹⁰ См. об этом: Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 г. - В кн.: 1812 год. К столетию Отечественной войны. М., 1962, с. 31-46.

Конечно, сегодня откровенная брань по адресу Барклай уже не в моде. Но до восстановления его подлинной исторической роли еще далеко.

Даже авторы, положительно оценивающие Барклай, одобряют его действия только до определенных пределов. Так, в опубликованной в 1975 г. статье И.Трофимова "Полководец", читаем: "Барклай совершил поистине исторический подвиг: он сберег русскую армию, которая благодаря этому нанесла впоследствии мощный удар противнику. Смена Барклай стала исторической необходимостью. Это не ошибка и не произвол самодержца" ¹¹. Н.Н.Петрунина в статье под таким же названием пишет: "...Пушкин был далек от того, чтобы видеть причины успеха Кутузова в одном лишь его следовании стратегическим планам Барклай. Хотя "Объяснение", напечатанное им в "Современнике" в связи с выходом брошюры Л.И.Голенищева-Кутузова, подчинено в какой-то степени задачам полемики /не случайно в отличие от "Полководца" здесь речь идет столько же о Кутузове, сколько и о Барклае/, оно проливает свет на истинную позицию Пушкина во взгляде на военные заслуги обоих полководцев 1812 г. - вопрос, лишь мимоходом затронутый в "Полководце". О причинах военных достижений Кутузова поэт писал здесь: "Не говорю уже о превосходстве военного гения ... Кутузов один облачен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!" Но, может быть еще важнее, что "Полководец" не имел целью оценку военных заслуг Барклай" ¹².

Барклай оказывается на втором месте. Причем авторы, уверяющие, что ко времени создания "Полководца" не было необходимости реабилитации Барклай, отождествляют свое мнение с пушкинским. Однако текст стихотворения не дает оснований для такого истолкования.

Текст "Полководца", опубликованного в "Современнике", общеизвестен, как и рукописи. Текст ясный. Тем не менее, толкуется он по-разному. Вероятно, потому, что подчас не решаются отбросить традиционное представление о Барклае и поверить, что Пушкин ставил его отнюдь не ниже Кутузова. Попробую отнестись к пушкинским словам без предубеждения.

---

¹¹ Трофимов И. "Полководец". - В кн.: Прометей. М., т. 10, 1975, с. 195-196.

¹² Петрунина Н.Н. "Полководец". - В кн.: Стихотворения Пушкина 1820-1830-х годов. Л., 1974, с. 194-295.

Строки:

В молчанье шел один ты с мыслию великой...

Народ, таинственно спасаемый тобою...

не оставляют сомнения в том, что Пушкин считал Барклая спасителем России, по крайней мере, в первые месяцы войны. У Барклая был "замысел, обдуманый глубоко" - т.е. план "скифской войны", отступление вглубь страны.

Текст стихотворения не дает оснований утверждать, что Пушкин оправдывал замену Барклая Кутузовым. Наоборот. Барклай проявил не только мудрость, но и волю, необходимые настоящему военачальнику:

И долго, укреплен могущим убежденьем,

Ты был непоколебим пред общим заблужденьем.

Эти строки "Полководца" дают ту же оценку Барклаю, что и зашифрованные строки, обычно ошибочно принимаемые за X главу "Евгения Онегина":

Гроза 12 года

Настала - кто тут нам помог?

Остервенение народа

Б(арклай), зима иль русский б(ог) ?

У1, 520

Барклай упоминается наравне с "остервенением народа" /т.е. народной войной/, "зимой" и особой судьбой России /"русский бог%/. Характерно, что о Кутузове не сказано ни слова. Конечно, перед нами не исследование. Но все же история /"Славная хроника"/. А Пушкин ничего случайно не упоминал и ни о чем случайно не умалчивал. Он явно не хотел как-то умалить роль Кутузова, ставшего для него своего рода символом России в 1812 году, но еще больше не хотел принизить роль Барклая. Полководца, гражданина, одного из тех исторических деятелей, которых не оценили современники и недооценивала официальная историография. Поймут потомки и, прежде всего, поэты. В этом смысле "Полководец" - один из предшественников "Памятника".

Барклай не мог не привлечь Пушкина своей необычной судьбой, парадоксальной биографией, необычной даже в русской истории. То военный министр, фактический главнокомандующий русскими армиями накануне и в начале войны; то опальный генерал в отставке; затем вновь главнокомандующий в 1813-1814 году, вступивший во главе рус-

ских войск в Париж. Победитель непобедимого доселе Бонапарта, про которого П.А.Вяземский вспоминал в "Старой записной книжке", что Наполеон был равно страшен царям и народам.

Барклай он оказался не страшен. Стремительным маршам и броскам императора французов он противопоставил уклонение от боя, отступление, затягивание войны, партизанские действия, народную войну. Наполеоновская армия таяла. Исчезала/при отсутствии больших сражений/. К середине августа от нее осталась одна треть. В значительной мере деморализованная.

Жители оставляли селения, создавали партизанские отряды. Казаки наводили ужас на французов, особенно ночными рейдами. Со смоленской губернии разгоралась народная война. Исход борьбы был предreshен.

Именно в это время Барклай был смещен с поста фактического главнокомандующего. 8 августа /ст.ст./ 1812 года главнокомандующим всеми армиями был назначен М.И.Кутузов. 17 августа он прибыл к армии и принял командование от Барклая. Барклай остался командующим I-й армией. В этой должности он и сражался в Бородинском сражении. Ища смерти /под ним убило 4 лошади/, он умело командовал центром и правым флангом русского войска. Вовремя оказал помощь второй армии Багратиона. Будучи смертельно ранен, Багратион послал своего адъютанта извиниться перед Барклаем за нападки на него.

На военном совете в Филях Барклай первым высказался за оставление Москвы, за отказ от нового генерального сражения, за сохранение армии. Он предложил отступать на Владимир.

После оставления Москвы Барклай покинул армию. Был смещен с поста военного министра. 27 января 1813 года он отправил обиженное письмо Александру I, в котором напоминал царю, что получил от него в начале июля 1812 года санкцию на затягивание войны и отступление.

Лишь в 1813 году Барклай вернулся в армию.

Пушкин, вероятно, обо всем этом знал. От А.П.Ермодова /начальника штаба в армии Барклая в 1812 году/, от Н.Н.Раевского, от Дениса Давыдова, от М.Ф. и А.Ф.Орловых. Мог знать и от И.Ф.Паскевича, М.С.Воронцова, Е.М.Хитрово /дочери М.И.Кутузова/, В.К.Кухельбекера, родственника Барклая, определенного им в лицей.

В "Полководце" Пушкин явно не одобрял смещения Барклая, не считал его целесообразным:

И на полпути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец
И власть, и замысел, обдуманый глубоко...

Итак, Пушкин был уверен, что если бы Барклай прошел не "под-пути", а весь путь, то "лавровый венец" победителя получил бы он, а не Кутузов. Барклай выполнил бы задачу окончательного разгрома наполеоновской армии не хуже Кутузова. В рукописи пушкинское несогласие с необходимостью отставки Барклая высказано еще отчетливее:

...Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. А ты, непризнанный, забытый
Винovníк торжества, почил - и в смертный час
С презрѣньем, может быть, воспоминал о нас!

Барклай был настоящим вождем, но ему не повезло:

О вождь несчастливый! Суров был жребий
твой...

Кутузов оказался счастливее. Продолжая линию Барклая, он добился победы, "лаврового венца". Действия Кутузова как полководца Пушкин так же одобрял, как и действия его предшественника. Кутузов мудр, дальновиден:

И тот, чей острый ум тебя и постигал...

Но в моральном плане отношение к Кутузову сложное:

В угоду им тебя лукаво порицал...

Не по собственной воле, а уступая "черни". Не ругал, в отличие от "черни", но "порицал", хотя и понимал правильность линии Барклая и сам продолжал ее.

Правда, не просто "порицал", а "лукаво порицал". Это немного напоминает отношение к И.А.Крылову. И все же оттенок морального порицания преемника Барклая присутствует.

В чем же дело? Кутузов был для Пушкина олицетворением, символом русских в 1812 году. Именно о нем вспомнил Пушкин в разгар польского восстания. Ему посвящено стихотворение 1831 года "Перед гробницею святой". Написано оно с теплотой, любовью:

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает:
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас

Воззвал к святой твоей седине:

"Иди, спасай!" Ты встал - и спас.

Для Пушкина Кутузов в этом стихотворении

...властелин,

Сеи идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,

Смиритель всех ее врагов,
Сеи остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В "Полководце" же другой образ Кутузова. Думается, потому, что за Кутузовым теперь стояла тень Александра I. Через образ Кутузова Пушкин "подсвистывал" умершему царю, который в официальной и официальной историографии Отечественной войны 1812 года представлялся как спаситель России. Кутузов же изображался как ближайший ооратник царя.

Культ Александра I как героя взятия Парижа, освободителя Европы и спасителя России в 1812 году был создан еще при жизни предшественника Николая. В царствование Николая I был создан культ личности нового царя. По принципу - король умер, да здравствует король! Но культ личности Николая I был одновременно и культом царя. Поэтому Александр I не развенчивался. Официальная историография сохранила прежнюю трактовку роли Александра в борьбе с Наполеоном.

Суть официальной и официозной историографии 1812 года сводилась к прославлению единения царя и народа, мудрости, непогрешимости "венценосного вождя", т.е. Александра I. Она выросла из реакционной публицистики, появившейся сразу после войны. Именно эта концепция была положена в основу работы Д.Бутурлина "История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году", вышедшей в 1823 году в Париже на французском языке, а в 1837 году, переведенной на русский язык и изданной в Петербурге¹³. Автор посвятил свою книгу Александру I, изображенному в книге вождем русского народа в борьбе с Бонапартом. Под народом подразумевались и дворяне, и крестьяне, и горожане, понимаемые как единое целое. Русское оружие неотделимо для Бутурлина от русского самодержавия. Александр I непогрешим, как римский папа.

¹³ Бутурлин Д. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Спб., 1837.

Д. Бугурлин написал книгу по собственной инициативе, но она выражала правительственную точку зрения. Следующая же большая работа о 1812 году была написана по "высочайшему повелению". В 1834 г. был издан рескрипт Николая I на имя генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского об описании Отечественной войны 1812 года.

А. И. Михайловский-Данилевский, в молодости приятель Н. И. Тургенева, а к этому времени преуспевающий николаевский сановник, энергично принялся за дело. Его фактическим соавтором был сам император, читавший произведение А. И. Михайловского-Данилевского в рукописи и делавший на ней пометки. Об их характере говорит хотя бы такое замечание: "Не надо помещать приказа, отданного при переходе на правый берег Двины, потому что, хотя сделанные мною замечания на него справедливы, но неприлично помещать приказа потому, что тогда при армии находился император Александр" ¹⁴.

Михайловский-Данилевский выполнил все указания царя. Вышедшая книга вполне удовлетворила Николая I, и он писал автору: "В творении Вашем, я, к душевному удовольствию моему, нашел столь же верное и точное изложение незабвенных событий того времени, сколь живое, пламенное, в непреложных чувствах русского сердца подчерпнутое описание бессмертных подвигов императора Александра, непоколебимой его твердости в деле спасения отечества и высоких царственных его добродетелей, осенявших Россию в эту годину бедствия. В чертах не менее верных переданы Вами знаменитые подвиги и доблесть народа, беспрдельная его преданность Престолу, живая любовь к отечеству" ¹⁵.

Вот с этой-то официозной концепцией и спорил Пушкин. О Барклае и о "единении царя с народом". О Барклае спорил подтекстом. Не называя прямо Александра I, упомянул Кутузова, который изображался официальными историками как ближайший соратник императора. Такой образ Кутузова исторически был неверен, но стал каноническим в работах о 1812 году, выходявших под присмотром правительства.

Осуждение якобы "соратника" было осуждением самого Александра I. В тогдашних сочинениях о 1812 году это было не принято. Пушкинское порицание "соратника" и умолчание об Александре I напоми-

¹⁴ "Русская старина", 1900, № 6, с. 586.

¹⁵ Там же, с. 588.

нает молчание Н.Г.Чернышевского о реформе 1861 года.

Разошелся Пушкин с официозной историографией и относительно "единения царя с народом". Тем более, что тезис этот в значительной мере шел от "теории официальной народности", усиленно пропагандировавшейся одним из злейших врагов Пушкина, С.С.Уваровым.

В "Полководце", на первый взгляд, неожиданные строки:

Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сециной.

Конечно слова:

И в имени твоём звук чуждый не взлюбя...

перекликаются со словами из стихотворения "Перед гробницею святой":

Он русский глас нам издает:
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине...

И все же и до и после "Полководца" о народе, о народной войне в 1812 году Пушкин писал по-другому. В строфах, принимаемых за X главу "Евгения, Онегина":

Остервенение народа
Б(арклай), зима иль русский б(ог)?...

В "Рославлеве": "Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Раstopчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели..." /подчеркнуто мною - В.П./.

В "Рославлеве" народ противопоставлялся "светским балагурам", которые "говорили о близкой войне... довольно легкомысленно... Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобоострастием и шутили над нашими неудачами... Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации". А "светские патриоты" выглядели карикатурно: "К несчастью, защитники отечества были немного простоваты. Они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния". И даже когда началась война, легкомысленное настроение в гостиных приоб-

рело лишь другую форму: "Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закалялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни". Народ же "ожесточился": "никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жмет свою столицу", - говорит героиня романа.

В "Полководце" ничего подобного нет. Строго говоря, и народа / так, как он понимается в "Рославлеве" / в "Полководце" нет. Речь идет о толпе, самое большее - о населении. После "черни дикой" слово "народ" звучит неопределенно.

Пушкин в разных значениях употреблял это слово. Иногда как группу людей: "В волненьи радостном народ Валит за всадником, теснится" /"Руслан и Людмила" У1, 71/. Или: "народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит" /"Дубровский"/. И совсем в другом смысле: "Весь черный народ был за Пугачева" /"История Пугачева" / 16. Это, действительно, народ.

В "Полководце" "народ" явно отождествляется с толпой. Это невольно выглядит как полемика и с официозной историографией 1812 года /"единение царя с народом"/, и с теорией "официальной народности" вообще.

Еще резче полемика в зашифрованных строфах, называемых обычно X главой "Евгения Онегина" /а на самом деле, предназначенных для специальной поэмы, написанной онегинской строфой и выросшей, вероятно, из "Онегина"/. Здесь Александр I изображен как "нечаянно пригретый славой", которую на самом деле заслужили народ и Барклай.

Более осторожная, но, по существу, та же полемика в "Рославлеве". Уже полемика с романом М.Н.Загоскина "Рославлев, или Русские в 1812 году", написанном с официальных, правительственных позиций, была спором и с официальной историографией. Но там велся и непосредственный спор с официозными историками. О роли Александра I в неоконченном произведении Пушкина не сказано ни слова.

---

16 Словарь языка Пушкина, М., 1957, т. II, с. 724-726.

Единственное упоминание: "Известие о нашествии и воззвание государя поразили нас", - никак не характеризует царя. Говоря же об отступательном плане русских, о народной войне, Пушкин связывает отступление русских армий с Баркласом, хотя и не называет его имени. "Наполеон шел на Москву; наши отступали". Героиня романа Полина, как и большинство, "...не постигала мысли тогдашнего времени, столь великой в своем ужасе, мысли, которой смелое исполнение спасло Россию и освободило Европу". "Столь великая в своем ужасе" мысль - это, конечно, барклавский "замысел, обдуманый глубоко", как он охарактеризован в "Полководце". Не случайно, что смысл отступления русской армии Полине объясняет пленный француз. Его истолкование выдержано в духе позднейших французских мемуаров, считавших именно Барклай автором и исполнителем "скифского плана": "Он успокоил ее, удостоверив, что отступление русских войск было не бессмысленный побег и столько же беспокоило француз, как ожесточало русских устремление французских войск в сердце России могло сделаться для них опасно". В духе зашифрованных строк и французских мемуаров выдержана и речь пленного французца о пожаре Москвы, который несет "гибель всему французскому войску... Наполеону негде, ночью будет держаться... он принужден будет скорее отступить сквозь разоренную, опустелую страну при приближении зимы с войском расстроенным и недовольным! русские зажгли Москву. Ужасное, варварское великодушие! Теперь все решено: ваше отечество вышло из опасности; но что будет с нами, что будет с нашим императором..."

Именно так изображали войну впоследствии французские мемуаристы, называя Барклай как инициатора такой тактики. Как правило, они писали о сознательном завлечении французов вглубь России; доказывали, что еще до войны предупреждали Наполеона о задуманном русским командованием плане "скифской войны". Генерал Дюма рассказывал в своих воспоминаниях, что накануне открытия военных действий в 1812 году он встретился в Берлине с Нибуром, с которым был давно знаком по Голштинии. Когда они заговорили о предстоящей кампании, Нибур сказал, что он узнал о назначении Барклай-де-Толди русским главнокомандующим и не сомневается, что тот будет отступать. По словам Нибура, он близко сошелся с Барклаем в 1807 году, когда тот, тяжело раненный под Эйлау, лежал в мемельском госпитале.

Барклай уже тогда говорил об отступательном плане, о завлечении французской армии в глубь России по направлению к Москве, чтобы, удалив французов от их баз и отнимая у них продовольствие и фураж, заставить Наполеона на берегах Волги вместо решительной победы дать "вторую Полтаву". "Это было ужасное пророчество", - восклицает Дома и рассказывает, что он немедленно сообщил о своем разговоре с Нибуром Бертье и убежден, что об этом сообщили Наполеону¹⁷. Примерно то же рассказывает в своих мемуарах бывший французский посол в Петербурге А. Коленкур¹⁸.

Генерал Дедем, голландский барон, служивший во французской армии с 1810 года и проделавший русский поход в чине бригадного генерала, в своих мемуарах рассказывает, что накануне кампании 1812 года, когда он стоял со своей бригадой в Германии, ему не раз приходилось слышать о намерении русских отступить. Ему было вменено в обязанность сообщать герцогу де-Бассано о положении дел в пограничных районах, слухах, настроениях и т.д. "Я сообщал, - пишет он, - любопытные подробности о России, о непреклонном намерении русских все сжечь и опустошить и завлечь нас в пустынную местность, чтобы умерить голодом... Восемнадцать месяцев спустя герцог де-Бассано сказал мне в Варшаве: "Вы были жестоким пророком"¹⁹.

Таких рассказов во французских мемуарах можно найти сколько угодно. Они и послужили одним из основных источников для пушкинских представлений о русском отступательном плане и о поведении Барклая накануне и во время войны.

Итак, на протяжении многих лет Пушкин изображал Барклая как полководца, выработавшего и осуществившего отступательный план войны, спасшей Россию. Правда, в "Рославлеве" Барклай не назван. В момент, когда Пушкин допускал возможность вооруженной интервенции Франции, ее вмешательства в польское восстание, он не хотел, вероятно, акцентировать нерусское имя. Надаром в стихотворении "Перед гробницею святой" так энергично говорится о "русском духе" о Кутузове. Но имелся в виду Барклай.

---

¹⁷ *Dumas, M. Souvenirs. P., 1839, т. III, р. 416.*

¹⁸ Ср.: *Жюли "Политическая и военная жизнь Наполеона", Париж, 1827, т. 4*
/оригинал - на фр./

¹⁹ "Русская Старина", 1901, № 7, с. 116-117.

В "Полководце", говоря о "замысле, обдуманном глубоко", Пушкин имел в виду именно тот план, о котором подробно рассказывает в "Рославлеве".

В оценке Барклая, народной войны, роли Александра I Пушкин явно расходился с официальной версией, полемизировал с официальными авторами, с теорией "официальной народности", ставшей идеологическим фундаментом правительственной точки зрения на Отечественную войну. В противовес официальным и полуофициальным историкам поэт развенчивал Александра I, "единение царя с народом", реабилитировал Барклая.

Все это давно установлено наукой и не стоило бы возвращаться к давно решенным вопросам, если бы не появившаяся в последние годы мода на опровержение установленных Н.О.Лернером, Ю.Н.Тыняновым, В.А.Мануйловым, Л.Б.Модзольевским, И.Л.Андрониковым, Б.С.Мейлахом фактов. Я имею в виду, прежде всего, очень интересную, но не всегда убедительную статью Г.Коки "Пушкин о полководцах 1812 года", опубликованную в 1968 году. Автор доказывает, что ко времени появления "Полководца" надобности в реабилитации Барклая не было; что, наоборот, очевидна "заинтересованность правительства в повышении памяти Барклая и одновременной критики Кутузова..."²⁰. По мнению исследователя, Пушкин вовсе не спорил с официальной историографией Отечественной войны. Вслед за Г.Кокой те же мысли развивает известная пушкинистка Н.Н.Петрунина. Полагая, что "Г.М.Кока доказал, что мнение о "реабилитации" Барклая как цели Пушкинского стихотворения не имеет под собой исторической почвы"²¹, Н.Н.Петрунина не сочла нужным перепроверить весомость аргументов своего предшественника. А, между тем, Г.Кока не доказал верности выдвинутых им положений. Он обошел главное и выдвинул на первый план детали. Так, например, он спрашивает: "... в чем ... состояла... официозная реакционно-монархическая трактовка" 1812 года? И в ответе обходит главное - концепцию единения царя и народа. С этим-то и спорил Пушкин, хорошо знавший и о крестьянских бунтах во время войны и о истинной роли "плешивого щеголя". Странно вы-

²⁰ Кока Г. Пушкин о полководцах двенадцатого года. - В кн.: Прометей. М., 1968, т. 7, с. 25.

²¹ Петрунина Н.Н. "Полководец". - В кн.: Стихотворения Пушкина 1820-х - 1830-х годов. Л., 1974, с. 279.

глядит аргументация Коки в пользу реабилитации Барклая к 30-м годам девятнадцатого века. Исследователь ссылается на то, что о Барклае писали, он имел высокие звания и т.д. Но речь ведь идет не о юридической, а об исторической реабилитации, и не об обыкновенном генерале, а о фактическом главнокомандующем русской армией в самый тяжелый, начальный период кампании двенадцатого года. Конечно, Барклай не бранили тогда так, как позже, в работах Н.Ф.Гарнича или П.А.Жилина, не объявляли вне закона. Но ведь и хвалили его как обыкновенного, рядового генерала. Это признает и сам Кока: "...справедливая, хотя и сдержанная по тону оценка заслуг Барклая широко распространилась в 20-е годы" ²² /подчеркнуто мною - В.П./.

Но тон делает музыку. Об Александре I писалось в другой тональности. И принижался, прежде всего, не Кутузов, а Барклай, которому отводили, в лучшем случае, третье место. Что касается Кутузова, то его принижали по сравнению с Александром I, а не по сравнению с Барклаем ²³.

Проиллюстрирую изображение Барклая в тогдашней литературе на примере трех наиболее крупных работ, вышедших в 20-30-е годы прошлого века. Две из них появились при жизни Пушкина, а третья - А.И. Михайловского-Данилевского - в год смерти поэта. Пушкин знал ее автора, его политические и исторические взгляды ²⁴.

Следовательно, он мог учесть тогдашнее общепринятое официальное изображение героя своего стихотворения.

В 1822 г. вышел в свет труд С.Ушакова "Деяния Российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну

²² Кока Г. Ук. соч., с. 23.

²³ Некоторые утверждения Г.Коки основаны на отделении от контекста некоторых высказываний. Так, цитируя дневник А.И.Михайловского-Данилевского, Кока приводит слова А.И.Чернышова: "...Государь ... говорит, что Вы нападаете на Барклая". Но обходится пояснение, что при армии находился Александр I и порицание Барклая задало и царя, формально бывшего главнокомандующим русскими армиями до его отъезда из войска.

²⁴ Михайловский-Данилевский А.И., будучи председателем военнo-цензурного комитета, выбрасывал из статей Д.В.Давыдова /предназначенных для пушкинского "Современника"/ целые периоды. Возмущенный Пушкин сравнивал действия Михайловского-Данилевского с евнухом, взявшимся обучать Потемкина. Михайловский-Данилевский резко отрицательно отзывался о "мерзких, развратительных" стихах Пушкина, "осмеивавших императора Александра I, правительство и основания, на которых опочит величество России" /Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 251/.

1812, 1813, 1814 и 1815 годов" ²⁵. На первом листе - портрет Александра I. Далее подобие девиза: "Побеждая, благотворит за зло Москве добром Парижу". А затем, в порядке официальной значимости, идут биографии полководцев. Первая - биография Кутузова: "Генерал-фельдмаршал князь Михаил Илларионович Кутузов". Она занимает примерно треть книги /с. I-II6/. Вторая биография - "Генерал-фельдмаршал князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли". Ему посвящено 38 страниц /с. II7-160/. Третьей идет биография Л.Л.Бенингсена /с. 161-194/. Багратион идет четвертым, но ему уделено больше места, чем Барклаю /с. 195 / . На пятом месте А.П.Тормасов /с.263-294/. Барклай изображен примерно так же, как Багратион, Бенингсен и Тормасов. Он отнюдь не спаситель России, а обычный генерал, исполнитель воли Александра I. Именно так объясняется отступление Барклая: "Генерал Барклай-де-Толли, имея приказ отступать, пока князь Багратион не облизится с первой армией... начал приводить в исполнение предположенный план оборонительной войны" ²⁶. "Предположенный план" явно "предположен", в изображении автора, царем. И хотя в заключении очерка сказано, что Барклай "был столь же Великим Вельможей, сколь великим Полководцем являл себя на полях брани, эта неуклюжая сентенция отнюдь не воздавала должного Барклаю, как автору и исполнителю плана войны. Последний приписывался Александру I.

В 1823 году в Париже на французском языке вышла работа участника войны 1812 года, флигель-адъютанта Александра I полковника Д.Бутурлина. Книга посвящена Александру I, "первому виновнику блистательных успехов, ознаменовавших сию достопамятную в летописях мира войну, толико прославившую оружие Вашего Императорского Величества и пригрозившую падению Наполеона". Барклай предстает обычным генералом. О его плане отступления ничего не говорится ²⁷.

²⁵ Ушаков С. Деяния Российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. СПб., 1822.

²⁶ Там же, с. 135-136.

²⁷ Русский перевод появился в 1837 году, к двадцатипятилетию Отечественной войны: История императора Наполеона на Россию в 1812 году, сочиненная его императорского величества флигель-адъютантом полковником Д.Бутурлиным. С французского же на русский язык переведена свята его императорского величества по квартирмейстерской части генерал-майором Ахатовым. СПб., ч. I, 1837.

К двадцатипятилетию войны 1812 года вышло сочинение А.И. Михайловского-Данилевского, написанное по "Высочайшему повелению". Суть концепции автора откровенно сформулирована в предисловии: "Вся Отечественная война есть бессмертный памятник Благословенному, гимн во славу его" ²⁸. Александр I и предстает как автор мудрого плана, загубившего Наполеона. Факты фальсифицируются и довольно лобозвучно. Михайловский-Данилевский ознакомился с архивными документами, в том числе с неопубликованными инструкциями Барклая-де-Толли Витгенштейну, Тормасову, Багратиону, разосланными в апреле-июле 1812 г. Но при этом совершается двойное искажение. Во-первых, инструкции названы "повелением", что создает впечатление авторства Александра I. Во-вторых, обходится самое главное в этих инструкциях - изложение принципов ведения будущей войны, тех самых, которые и были осуществлены Барклаем в 1812 году. В то же время говорится о наличии отступательного плана. Создается впечатление, что автором его был сам царь /хотя прямо об этом не говорится/. Император предстает как человек железной воли, ободряющий Барклая: "Не робейте перед затруднениями... Не унывайте, но укрепите Вашу душу великою целью, к которой мы стремимся" ²⁹.

И план Барклая и его действия выглядят как-то неопределенно. Автор обильно цитирует его обещания отступить и опускает барклавские слова о необходимости отступления, хотя Михайловский-Данилевский полностью читал документы. Так был создан фальсифицированный, сниженный образ Барклая.

Пушкин не мог его принять ³⁰. В полемике с таким изображением Барклая и создан "Полководец".

Пушкин не был уверен, что его современники поймут масштаб Барклая. Вся надежда возлагалась на поэзию, на поэтов:

---

²⁸ Описание Отечественной войны 1812 года по Высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. Спб., 1837, с. XIII.

²⁹ Там же, с. 133-143.

³⁰ Бряд ли можно считать доказательством реабилитации Барклая /как полагает Г. Кока/ публикацию заметки С.А. Маркевича о Барклае в "Энциклопедическом словаре" Плюшара /1835 г./. Малая заметка мало что меняла. К тому же там ни слова не сказано о Кутузове, зато говорится о "доверенности" монарха к полководцу. Барклай - инициатор. Бряд ли можно увидеть здесь ту же мысль, что у Пушкина. А Кока истолковывает эту заметку именно так /Кока Г. Пушкин о полководцах двенадцатого года, с. 23/..

Как часто мимо вас проходит человек
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и умиление!

Как в "Памятнике"... Но даже Пушкин не предвидел, насколько он прав. Он увидел это лишь после публикации стихотворения в "Современнике", по реакции общественного мнения, по-разному встретившего пушкинское стихотворение. Большинство читателей было шокировано уравнением Барклая и Кутузова. Особое возмущение высказал родственник М.И.Кутузова Л.И.Голенищев-Кутузов, выпустивший брошюру с возражениями Пушкину. Третьего ноября 1836 года он передал ее в цензурный комитет и при содействии С.С.Уварова в тот же день получил одобрение цензора П.И.Гаевского. Пятого ноября брошюра была отпечатана Российской Академией тиражом 3400 экземпляров. 8 ноября 1836 года она была разослана в виде приложения-вкладыша к воскресному номеру газеты "Санктпетербургские ведомости" 31.

Л.И.Голенищев-Кутузов увидел в возвышении Барклая принижение Кутузова. Он возмущался, что "поэт полагает, что генерал Барклай-д-Толли уступил лавровый венок князю Голенищеву-Кутузову... Сожалею достойно, что поэт позволил себе такой совершенно неприличный вымысел". Автор писал, что "многие разного рода писатели и в прозе и в стихах называли избавителем России Кутузова". Именно он решился "впустить неприятеля войти в Москву".

Пушкин счел нужным ответить Голенищеву-Кутузову. Вероятно поэтому, что брошюра выражала не только мнение родственника Кутузова, но и широких кругов тогдашней общественности. В четвертом томе "Современника" за 1836 год /вышедшем в свет 22 декабря/³² появилось объяснение Пушкина. Он справывался. "Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале, навлекло на меня обвинение, в котором долгом полагаю оправдаться". Так начинается Пушкин свой ответ. Он во многом расходится с "Полководцем", с выдвинутой там точкой зрения на роль Барклая.

---

³¹ История появления и распространения брошюры Л.И.Голенищева-Кутузова тщательно исследована в статье Л.А.Черейского "К стихотворению Пушкина "Полководец". - В кн.: Временник пушкинской комиссии. М.-Л., 1966, с. 56-58.

³² Черейский Л.А. К стихотворению Пушкина "Полководец".

Лишь очень осторожно, в нескольких местах объяснения, дается прежняя оценка Барклая-де-Толли. "Это стихотворение, — пишет Пушкин, — заключает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные урны, предоставив своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества". Это, конечно, не совсем то, что в "Полководце" /"Безмолвно уступить и лавровый венец, и власть, и замысел, обдуманый глубоко"/. Но все же и здесь Барклай предстает, как автор плана отступления, а не как исполнитель повелений царя.

Мысли "Полководца" отражены и в другом месте "Объяснения": "Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?... Конечно не народом и не в 1812 году... Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником". Пушкин имел в виду, вероятно, П.И.Багратиона. И далее: "Барклай ... останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом".

Вот все, что осталось в объяснении от "Полководца". Совсем по-другому, чем в стихотворении, звучат другие слова "Объяснения": "И мог ли Барклай-де-Толли совершить им начатое поприще?" По стихотворению — мог. По "Объяснению" — не мог. "Мог ли он, — продолжает Пушкин, — остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Мог ли он после ужасной битвы, где равен был неравный спор, отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! /Не говорю уже о превосходстве военного гения/".

Так Пушкин писал. Но вряд ли так он думал. Он знал, что и Кутузов не хотел Бородинского сражения, но не мог не дать его из-за общественного мнения. Барклай тем более вынужден был бы дать сражение. Может быть не у Бородина, а у Царева-Займища /где Барклай обещал дать генеральную битву/. Знал Пушкин и о том, что именно Барклай на военном совете в Филях первым высказался за оставление Москвы без боя.

Пушкину пришлось выискивать аргументы в пользу правомерности положительной оценки Барклая; "Неужели должны мы быть благодар-

ны к заслугам Барклая-де-Толли, потому что Кутузов велик?" Но и только. Пушкин назвал в "Объяснении" именно Кутузова, а не Барклая спасителем России.

Пушкин искренне считал Кутузова символом России в 1812 году и искренне хвалил его не только в "Объяснении". Недаром оно заканчивается стихотворением "Перед гробницею святой", созданного еще в 1831 году. Но относительно Барклая Пушкин в этом прозаическом произведении маневрировал. Зато Пушкин-поэт маневрировать не мог. В написанном 25 марта 1836 г. /но неопубликованном при жизни/ стихотворении "Художнику" /вызванном посещением мастерской скульптора Б.И.Орловского, автора памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли, поставленных позднее у Казанского собора/ Пушкин писал:

Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель
Кутузов.

Пушкин считал важным и нужным реабилитацию Барклая. И не только Барклая. Но и других недооцененных героев 1812 года. Опального А.П.Ермолова /биографию которого Пушкин хотел написать/. Д.В.Давыдова, статьи которого печатались в "Современнике". И не только полководцев двенадцатого года. Но и всех крупных исторических, военных, культурных деятелей. Трудно сказать, знал ли Пушкин, что Колумб распорядился похоронить его в цепях. Важно другое. Пушкин знал, что великих людей опутывают цепи. Барклая. Моцарта. Радищева. И его самого. От "Полковнца" Пушкин идет к стихотворению "Я памятник себе воздвиг нерукотворный". И там мысль о роли поэтов в сохранении памяти о великих людях:

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

И сегодня пушкинский "Полковнец" остается лучшим произведением о Барклае-де-Толли, написанным поэтом. Именно гениальный поэт интуитивно разгадал замысел Барклая, подтверждаемый историческими документами.

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ,
ЛИТЕРАТУРЫ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ**

/к 85-летию Г.А.Гуковского/

Межвузовский научный сборник

**Издательство Саратовского университета
1984**